

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16424

EDN: IXXZEF

Тема детства в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Е. Ю. Шестакова

Северный (Арктический) федеральный университет

имени М. В. Ломоносова

(г. Архангельск, Российская Федерация)

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного воплощения темы детства в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Актуальность работы обусловлена устойчивым интересом современного литературоведения к творчеству писателей первой волны русской эмиграции. Научная новизна состоит в том, что впервые при анализе романа выявлены особенности художественной картины мира Бунина-эмигранта в ее отличии от классической традиции XIX в., а также определена особая миромоделирующая позиция героя и автора. Основное внимание уделено таким структурным компонентам художественного мира детства, как отсутствие причинно-следственных временных связей, а также ключевым образам-доминантам (усадебный дом, поле, город, гимназия). Доказано, что мир в восприятии ребенка Алексея Арсеньева изначально показан ограниченным и замкнутым, приобретающим черты открытости, распахнутости по мере его взросления. Семья, окружающая действительность показаны сквозь призму детского сознания, раскрываются в той степени, насколько они оказываются причастными его личным переживаниям, чувствам и мыслям. Автор занимает особую позицию по отношению к изображаемому герою и миру. Эта позиция определяется влиянием модернизма, отдельные приемы которого И. А. Бунин воспринял еще в дооктябрьский период творчества. Арсеньеву предоставляется возможность воссоздавать свой мир и одновременно являться участником изображаемых событий. С образом взрослого повествователя связано появление в романе важной художественной категории — памяти. Для него характерно осмысление течения жизни как стихийного накопления впечатлений, картин и образов. Поток чувств, мыслей, воспоминаний о прошлом, ностальгическая тональность определяют специфику дискурса зрелого повествователя. Категория памяти нарушает линейный порядок расположения событий, возникает временная инверсия, неоднородное течение художественного времени, смена его ритма.

Ключевые слова: Иван Бунин, поэтика русского зарубежья, память детства, образ ребенка, образ России, тема детства, модель мира, «Жизнь Арсеньева»

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Тема детства в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 230–253. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16424. EDN: IXXZEF

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16424

EDN: IXXZEF

The Theme of Childhood in the Novel by I. A. Bunin “The Life of Arseniev”

Elena Yu. Shestakova

*Northern (Arctic) Federal University Named After M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)*

e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to examine the features of the artistic embodiment of the childhood theme in the novel by I. A. Bunin “The Life of Arseniev.” In modern literary criticism, the work of Russian abroad writers of the first wave of emigration is in the center of attention. The work examines one of the important topics of Russian abroad literature, which determines its relevance. The novelty of the study lies in the fact that for the first time, when studying the novel “The Life of Arseniev,” attention is drawn to the changes in the artistic image of the world of a Russian abroad writer in comparison with that in the 19th-century classical tradition, and the special world-modeling position of the protagonist and the author is determined. The leading structural component of the artistic realm of childhood, recreated in the novel, is the absence of a cause-and-effect and temporal sequence of events. The main world-modeling images are the estate, the field, the city, the gymnasium. The child is the main character of the work. Alexey Arseniev builds and models his life in childhood. A child’s world is perceived as limited and closed, and as the child grows, it gradually opens up. The family and the surrounding reality are shown through the prism of the child’s consciousness, and are revealed to the extent that they are engaged in his personal experiences, feelings and thoughts. The author takes a special position in relation to the depicted character and the world. This position is determined by the influence of modernism, some of whose techniques I. A. Bunin adopted in his work that predates the October 1917 revolution. Arseniev is given the opportunity to recreate his world and at the same time participate in the depicted events. The emergence of memory, an important artistic category in the novel, is associated with the image of an adult narrator. It is characterized by the understanding of the flow of life as a spontaneous accumulation of impressions, representations and images. The flow of feelings, thoughts, memories of the past, and a nostalgic tonality determines the specifics of the discourse of the mature narrator. The category of memory disrupts the linear order of events, as a temporary inversion, a heterogeneous flow of artistic time, a change in its rhythm arises.

Keywords: Ivan Bunin, poetics of the Russian abroad, childhood memory, image of a child, image of Russia, theme of childhood, model of the world, “The Life of Arseniev”

For citation: Shestakova E. Yu. The Theme of Childhood in the Novel by I. A. Bunin “The Life of Arseniev”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 1, pp. 230–253. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16424. EDN: IXXZEF (In Russ.)

Творческий путь И. А. Бунина отличается своей длительностью и большой сложностью. Жизненная и литературная судьба писателя складывалась непросто. И. А. Бунин не смог принять октябрьский переворот и 26 ноября 1920 г. на французском корабле навсегда покинул Россию. В эмиграции он много работал, его талант не только не иссяк, но заметно вырос. Именно «чувство России, невозвратности» является основной причиной появления самой лирической книги писателя о детстве — «Жизнь Арсеньева». Произведение создавалось долго. Замысел его возник в 1920 г., его осуществление длилось одиннадцать лет — с 1927 по 1938 г. Последняя, пятая, часть вышла под названием «Лица» в 1952 г. Роман считается одним из лучших произведений о детстве в литературе русского зарубежья. «Жизнь Арсеньева» называют главной книгой И. А. Бунина. Этот роман оказался определяющим при присуждении писателю в 1933 г. Нобелевской премии. Книга получила высокую оценку критиков после ее публикации во Франции, затем в странах Европы и уже гораздо позже — в России.

Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» не раз оказывался в центре внимания исследователей. О. Н. Михайлов и Ю. В. Мальцев, рассматривая весь жизненный и творческий путь И. А. Бунина, фрагментарно обращаются и к страницам «Жизни Арсеньева» [Михайлов], [Мальцев]. Связь творческого метода И. А. Бунина с модернизмом раскрывает И. Б. Ничипоров [Ничипоров]. Е. А. Гаршина определяет специфику жанра «Жизнь Арсеньева» как «роман-воспоминание» и исследует проявленность в тексте «аксиологемы памяти» [Гаршина]. Отдельные главы монографии В. Т. Захаровой посвящены вопросам импрессионизма в поэтике романа и мифологемы дома [Захарова]. Особенности лейтмотивной организации произведения изучаются Е. М. Болдыревой [Болдырева].

К. Г. Мартиросян указывает на синтетический характер романа [Мартиросян]. Н. В. Пращерук отдельную главу своей монографии отводит рассмотрению «леонтьевского "следа"» в «Жизни Арсеньева» [Пращерук: 46]. О сложных случаях научного комментария произведения размышляет Е. А. Каганова [Каганова]. Е. Р. Пономарев анализирует роман И. А. Бунина с точки зрения «преодоления модернизма» [Пономарев]. Обзор работ показывает, что роман «Жизнь Арсеньева» еще не становился отдельным предметом исследования с позиции его миромоделирующих особенностей.

И. А. Бунин начал свой творческий путь в эпоху, когда еще жили и творили Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, Н. Г. Гарин-Михайловский и др., а завершил свою деятельность в начале 50-х гг. XX столетия. В романе «Жизнь Арсеньева» отмечаются две тенденции: в нем наблюдается продолжение традиций русской литературы XIX в. о детстве и одновременно с этим — их преодоление, выход на иной уровень осмысления взаимодействия мира и человека, героя и автора. Это преодоление в наибольшей степени обнаруживает себя в особых художественных установках, определяющих позицию героя-ребенка по отношению к окружающему миру. Речь идет о специфике художественной модели мира, воссозданной в «Жизни Арсеньева».

Художественная модель мира становится важной парадигмой, позволяющей выявить своеобразие мировоззрения автора, специфику его творческого метода. В данном случае можно говорить об «авторском миромоделировании» [Левина: 453], содержащем многообразие средств и форм выражения (проблематика, тематика, мотивный ряд, особенности сюжетного развития, композиции произведения, средства художественной выразительности). Модель мира включает спектр концептов, позволяющих раскрыть единство категорий «человек» и «мир». Выделяются определенные базовые параметры миромоделирования — пространственно-временная структура, герой. Художественная модель мира, понимаемая нами в том же смысле, что и художественная картина мира, «несет на себе печать эпохального и культурно-национального масштаба» [Дулова, Николаев: 131].

Роман «Жизнь Арсеньева» создавался И. А. Буниним после пережитой катастрофы, разлуки с родиной, в период, когда русская литература, преодолевая кризисное состояние, находилась в положении поиска иных (в сравнении с традиционными подходами) взаимоотношений автора и героя в тексте, особого повествовательного «угла зрения». Эти искания приводили к стремлению по-другому, нежели у литературных предшественников, представить, смоделировать мир художественного произведения. Итогом такого творческого движения становится воссоздание новой художественной модели мира и миромоделирующей позиции героя, что в полной мере можно наблюдать в бунинском романе. Ю. В. Мальцев отмечал, что приверженность писателя модернизму не случайна, так как он «по-настоящему вошел в русскую литературу почти одновременно с появлением русского модернизма, и соотношение его творчества с литературным авангардом полно интереснейших созвучий и контрастов» [Мальцев: 100]. И. А. Бунин продолжил путь модернизма, возникшего в русской литературе на рубеже XIX–XX вв., определяемый устремленностью к «самовозрождению», «поиску спасения, новых способов существования культуры» [Колобаева: 4].

«Жизнь Арсеньева», на первый взгляд, относится к жанру художественной автобиографии (автобиографической прозы), является продолжением традиций изображения темы детства в отечественных произведениях автобиографического характера XIX в. (Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»). Автобиографизм бунинского текста несомненен: родное село мальчика (Каменка) во многом напоминает родину писателя — хутор Бутырки Елецкого уезда, образ Александра Сергеевича — это воссозданный портрет отца писателя — Алексея Николаевича, автобиографичен и образ главного героя. Однако сам автор неоднократно протестовал, когда его книгу воспринимали только как автобиографию. В этом утверждении скрывается стремление писателя сказать в своем произведении нечто новое, отличное от литературных предшественников, создавших свои художественные автобиографии. В «Жизни Арсеньева» нет выдержанного, последовательного автобиографизма,

отсутствует причинно-следственная и временная последовательность событий. В связи с этим в литературоведческих работах, посвященных вопросу своеобразия жанровой структуры бунинской книги, пишут об ее «синтетизме» [Мартиросян: 179], называют «лирическим романом» [Ничипоров: 182]. В работах исследователей несомненным остается то, что в бунинской прозе происходит отталкивание, пересмотр устойчивых, традиционных законов реалистического искусства.

Обновление, пересмотр традиций реализма проявляется и в музыкальности бунинского текста. В романе «Жизнь Арсеньева» прослеживается элегическая тональность в описании событий детства героя, тепла и уюта родного дома, красоты русской природы. Бунинский роман, содержащий музыкальное начало, строится на вариации нескольких тем (детство, любовь, природа, искусство, Россия). Художественная категория памяти становится центральной в произведении. Основным побудительным мотивом автора является желание уберечь жизнь человека от забвения. Память, воскрешающая прошлое в художественном слове, помогает одержать победу над смертью. Об этом говорят начальные строки романа:

«Вещи и дела, еще не написанные бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанные же яко одушевлении...» [Бунин: 7].

Тема памяти находит воплощение в композиции, строящейся лейтмотивно, с использованием особой «техники» переходов. На смену толстовско-аксаковской традиции, в основе которой лежит линейное, последовательное сюжетное развитие, приходит повествовательная структура, основывающаяся на ассоциативном механизме памяти. Нарратив бунинской прозы подчиняется закону работы сознания, стремящегося возродить ушедшее, оставшееся в далеком прошлом. Возникает временная инверсия, художественное время течет неоднородно, постоянно меняется ритм настроения и ассоциаций. Связь между эпизодами осуществляется по принципу «я помню...»:

«Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора на солнечном припеке и глядя на тарантас, который еще утром выкатили из каретного сарая: да когда же наконец запрягут, когда кончатся

все эти приготовления к отъезду? Помню, что ехали мы целую вечность, что полям, каким-то лощинам, проселкам, перекресткам не было счета...»; «Зато как помню городское утро!» [Бунин: 10, 11].

Текст выстраивается как «поток сознания», воплощенный в текучей, непрерывающейся, неспешной и плавной, с длинными периодами лирической прозе:

«И я помню веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в растворенные двери, много мух и великолепных бабочек... Помню, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время... Помню вечерние прогулки с братьями, которые уже стали брать меня с собой, их юношеские восторженные разговоры...» [Бунин: 22].

В этом «потоке» автор может поставить двоеточие («помню:...»), чтобы далее продолжить перечисление, употребляет слова «вдруг», «неожиданно», «внезапно», отрицающие какую-либо закономерность в работе памяти. И само течение жизни осмысливается как стихия, хаотичное и интуитивное накопление впечатлений, картин и образов, поток чувств и мыслей, воспоминаний о прошлом.

Мир Арсеньева-ребенка — жизнь, которая воссоздана через его собственное сознание. Чтобы это показать, автор прибегает к сложным категориям пространства и времени. Герой сообщает о ходе времени:

«И вот я расту, познаю мир и жизнь в этом глухом и все же прекрасном краю в долгие летние дни его и вижу: жаркий полдень, белые облака плывут в синем небе, дует ветер, то теплый, то совсем горячий, несущий солнечный жар и ароматы нагретых хлебов и трав...» [Бунин: 15].

Ребенок видит себя в разных местах, которые он постоянно оценивает. Мир детства — небольшой, ограниченный, замкнутый:

«...скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни, всем и всему еще чуждая, робкая и нежная душа» [Бунин: 9].

Вместе с тем он «все расширялся перед нами, но все еще не люди и не человеческая жизнь, а растительная и животная больше всего влекли к себе наше внимание, и все еще самыми любимыми нашими местами были те, где людей не было, а часами — полуслепые, когда люди спали» [Бунин: 17].

Арсеньев-ребенок сам выстраивает и моделирует мир, свою жизнь в детстве. От него исходит основное побудительное «движение» к воссозданию собственного внутреннего и внешнего миров. Модель мира в бунинском романе не предполагает того, что выходит из границ «обзора» героя. Находящееся за пределами видения Арсеньева в детстве исключается из области изображения. Герой является участником воссозданных событий и одновременно его творцом, создателем. Перед нами — совершенно новая (по сравнению с русской классической литературной традицией) позиция героя-ребенка.

Для повести Л. Н. Толстого «Детство» характерна установка на изображение мира с точки зрения героя-ребенка, стремление показать внутренний мир ребенка, особенности его мироощущения. Автор обозначил самоценность детства, неповторимость детского мировосприятия, противоположность детского и взрослого сознаний. Обратимся к главе XXVII, в которой представлен «поток сознания» Николеньки Иртеньева, отмечены его действия («я смотрел»), работа воображения («а воображение рисовало мне картины, цветущие жизнью и счастьем»), чувств («вдруг меня поражала какая-нибудь черта в бледном лице»), памяти («я вспоминал ужасную действительность») [Толстой: 85]. Л. Н. Толстой обнажает конфликтность детского и взрослого мировосприятий. Зрелый повествователь делает назидательный вывод («только одна эта минута самозабвения была настоящим горем»), обозначает «самолюбивое чувство» героя, «неискренность и неестественность» «печали» [Толстой: 85–86]. В толстовской повести представлено различие ценностно-этических взглядов ребенка и взрослого. Подобный нравственный антагонизм не характерен для бунинского романа. Писатель изображает героя, воссоздающего, моделирующего свою картину мира. Отсюда повышенный субъективизм повествования, стремление самому его выстроить. «Другие» (мать, отец, братья, сестры, няня, учитель Баскаков), «внешний мир» (дом, город,

гимназия), вся действительность показаны через сознание ребенка и раскрываются в той степени, в какой оказываются причастными его внутренним переживаниям, связанными со стихией его чувств и мыслей.

Герой И. А. Бунина выстраивает свой мир, используя миромоделирующие образы дома-усады, полевого раздолья, старого уездного городка, гимназии, постоянного двора, трактиров, цирка, городского сада. Арсеньев-ребенок крепко привязан к земной жизни:

«...и опять, опять ласково и настойчиво потянула меня в свои материнские объятия вечно обманывающая нас земля...» [Бунин: 40].

Он наделяет ее абсолютной ценностью, с точностью воспроизводит подробности этой жизни:

«Стали по вечерам причудливо громоздиться на алом, тихо и долго гаснущем западе синие весенние тучи, стали заводить свои дремотные, мечтательные и успокоительные трели лягушки на пруду в поле, в медленно густеющей весенней темноте, обещающей ночью благодатный, теплый дождь...» [Бунин: 40].

От его внимания не укрывается то, что «в один особенно солнечный день стали вынимать, с треском выдирать сверкающие на солнце зимние рамы, наполняя весь дом оживленьем, беспорядком, всюду соря сухой замазкой и паклей...» [Бунин: 40]. В основе мироощущения героя лежит поэтическое восприятие окружающей действительности. Он моделирует мир, полный красоты звуков, запахов, визуальных ощущений. Природа становится объектом интенсивного миромоделирования, результатом работы субъективного сознания Арсеньева. Очаровательной в его детском восприятии является коробочка ваксы, «черная, тугая, с тусклым блеском и упоительным спиртным запахом» [Бунин: 11]. Акустическое обрамление модели детства связано с индивидуальным восприятием героя:

«Пахло и здесь тоже крепко и тоже навозом, но совсем не так, как на скотном дворе, потому что совсем другой навоз тут был, и запах его мешался с запахом самих лошадей, сбруи, гниющего сена и еще чего-то, что присуще только конюшне» [Бунин: 18].

В центр внимания ребенка непременно попадают предметы быта, вызывающие восторг и искреннюю радость: сапожки, ременная плеточка, купленные в городе. Писатель, находя внешние формы воссоздания модели мира (оксюморон «мягкая сырость» земли, эпитеты «важный и томный» крик грачей, изобразительные тропы «алый» запад, «синие» тучи), «отдает» весь этот комплекс изобразительных средств самому герою.

Бунинский герой является творческой натурой: он часто испытывает желание уединиться, устремляется к новым открытиям мира, обладает необыкновенной силой воображения, страстной восприимчивостью. Арсеньев впечатлителен, эмоционален:

«О, как я уже чувствовал это Божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности! Был потом мрак, огонь, ураган, обломный ливень с трескучим градом, все и всюду металось, трепетало, казалось гибнущим...» [Бунин: 17].

Он умеет найти в обычных предметах таинственное и загадочное, что свойственно детскому восприятию.

Свежесть и непосредственность взгляда ребенка на мир передается с помощью приема остранения. Сущность данного приема впервые объяснена В. Б. Шкловским относительно прозы Л. Н. Толстого. По мнению критика, «прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз происшедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах» [Шкловский: 58–59]. В результате происходит обновление художественного ракурса. В «Жизни Арсеньева» городское пространство наделяется героем характеристиками сказочности и необыкновенности.

Еще одна важная составляющая модели детства в романе И. А. Бунина — чтение книг. В самые трудные мгновения сомнений и нерешительности герою на помощь приходят Сервантес, Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Большое впечатление на Арсеньева произвело чтение «Слова о полку Игореве». Глубокое восприятие образного мира, ритмической стихии

классической поэзии является для ребенка источником сильнейшего эмоционального и эстетического чувства. Мир книг оказывает огромное влияние на детскую впечатлительную натуру.

Особое место в сознании героя занимает чувство природы. Мир природы гармоничен, наполняет ребенка ощущением безмятежности и умиротворения. Пейзажные описания у И. А. Бунина состоят из переходов, нюансов, полутонов. Герой «видит» и воссоздает импрессионистические природные картины:

«Сад был весел, зелен, но уже известен нам; в нем хороши были только дебри и чащи, птичьи гнезда (особенно если в них, в этих чашечках, сплетенных из прутьиков и усталых чем-то мягким и теплым, сидело и зорким черным зернышком смотрело что-нибудь пестро окрашенное) да малинники, ягоды которых были несравненно вкуснее тех, что мы ели с молоком и с сахаром после обеда» [Бунин: 17].

Внутреннее ощущение счастья, переживаемого Алексеем, определяет «наполнение» природного мира, его красоту и гармонию:

«Прямо подо мной, в солнечном свете, разнообразно круглились серо-зеленые и темно-зеленые верхушки сада, на которые так странно было глядеть сверху. Их осыпали оживленным треском воробы, они, внутри тенистые, сверху стеклянно блестели под солнцем, а я глядел и думал: для чего это? Должно быть, для того только, что это очень хорошо» [Бунин: 30–31].

Здесь оказывается значимым эмоциональный импульс, исходящий от самого героя. Жизнь маленького жука кажется ему необычайно важной:

«Я освобождаю его и с жадностью, с удивленьем разглядываю: что это такое, кто он, этот рыжий жук, где он живет, куда и зачем летел, что он думает и чувствует?» [Бунин: 10].

Ребенок с удовольствием наблюдает, как он «подымается в воздух, гудя уже с удовольствием, с облегчением, и навсегда <...> теряется в небе, обогащая <...> новым чувством» — «грустью разлуки» [Бунин: 10].

Антропоморфизация природного мира определяется особенностью восприятия Арсеньева-ребенка. Природа понятна и близка ребенку — так он сам воссоздает этот мир и является непосредственным участником событий:

«И заветная звезда глядела с высоты в окно и говорила: вот теперь уже все хорошо, лучшего в мире нет и не надо!» [Бунин: 11].

«Редкие лазурные звезды», которые «мерцали в лунной небесной высоте», поэтизируются, наполняются волшебством, видятся загадочными «неведомыми» мирами, в которых «мы будем когда-нибудь» [Бунин: 22]. Важным миромоделирующим компонентом становится мотив изобилия:

«Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов...»; «Вокруг меня, куда ни кинь взгляд, колосистые ржи, овсы...» [Бунин: 9].

Воссоздается цельная, полная жизни картина природного бытия, предстающая перед детским взором.

Одной из важных в «Жизни Арсеньева» становится тема любви. В передаче этого чувства нивелируется традиционный психологизм, он заменяется образами видимых проявлений, вещными деталями. Так, он хранит иконку, подаренную матерью, что становится выражением сыновней любви. Другие наблюдения Арсеньева касаются высокого материнского внутреннего устройства, устремленности к молитвенной отрешенности от земных забот, пребывания в состоянии грусти и тоски, которые оцениваются как врожденные свойства русской души. Бесконечно любя отца, герой обращается и к вопросу о своеобразии национального характера. Арсеньев, наблюдая за близкими людьми, отмечает не только их индивидуальные свойства, но и то общее, что объединяет их как русских людей. Так, в отце герой отмечает общую склонность русского человека к мотовству и легкомысленности.

В архитектонике романа важную роль играет сопряжение детских впечатлений героя, частных жизненных эпизодов с бытийными прозрениями. Так, смерть мальчика Сеньки является источником первых размышлений Арсеньева о Боге, проблеме бренности человеческого существования и бессмертия души. Он интуитивно постигает неразрывную связь

земного и небесного, дольного и горнего. Душа маленького героя устремляется в «запредельное»:

«...а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза, в отчее лоно свое. Плывет и, круглясь, медленно меняет очертания, тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако... Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире!» [Бунин: 9].

В этой зарисовке соединяется конечность (земля, природа, жизнь человека) и бесконечность (Бог, бессмертие человеческой души, небо). Здесь с удивительной органичностью сочетается чувственная яркость, конкретность картины («зеленая холодеющая трава», «бездонное синее небо») и звучание бытийной, «вселенской» темы («близость с Богом и белокрылыми ангелами», «горний мир»). Основное наполнение текста составляет «поток» образов внутреннего видения героя, его эмоционального состояния. Здесь раскрывается процесс «работы» души, рефлексия непосредственных переживаний.

Одними из важных миромоделирующих универсалий в романе «Жизнь Арсеньева» являются Вечность и линейное время. Основной символ произведения — вертикаль, устремленность к бытийным началам, Богу. В «Жизни Арсеньева» отдельная человеческая жизнь включается во временные границы жизни предыдущих поколений и, шире, Вечности. Мир видится герою бесконечным. Мотивы тишины, пустынности, образы звездного неба и звезд, просторов и далее являются ведущими миромоделирующими компонентами бунинской прозы. В первых главах романа, посвященных детству героя, появляются многочисленные описания земли, неба, природы, Вселенной. Ранние детские впечатления Арсеньева складываются из образов «пустынных полей, одинокой усадьбы среди них», «вечной тишины <...> полей, их загадочного молчания» [Бунин: 9], образов плывущих по небу облаков, ветра, жара, запаха трав.

В текст вводится эпизод, когда ребенок смотрит в окно, наблюдая за звездным небом. Центральным здесь становится образ звезды, напоминающий о вечности. В детском восприятии звезда олицетворяется, одушевляется, «глядит» «с высоты в окно» и говорит: «...вот теперь уже все хорошо, лучшего в мире нет и не надо!» [Бунин: 11]. Философско-созерцательное отношение к природе побуждало Арсеньева-ребенка к раздумьям (не по возрасту зрелым) о загадках и смысле самого бытия, мироздания, бесконечности времени и пространства, постичь которые человек не в состоянии.

Мир, предстающий в романе И. А. Бунина, оказывается распахнут в беспредельность, просторен и устремлен вдаль. Герой полон желания отправиться в путь, чтобы узнать мир. Он испытывает непреодолимую тягу к движению, дороге, путешествию. Эта жажда оценивается как возрожденная память, унаследованная от отцов и дедов. После услышанных в дороге рассказов о разбойниках, татарах, Мамае в герое просыпается историческая память, чувство «общего» прошлого, своей сопричастности ему:

«Татары, Мамай, Митька... Несомненно, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто-в Каменке...» [Бунин: 49–50].

Ребенок впервые начинает ощущать склонность к совершению греха. И это становится важным открытием:

«Убийство, впервые в жизни содеянное мною тогда, оказалось для меня целым событием, я несколько дней после того ходил сам не свой, втайне моля не только Бога, но и весь мир простить мне мой великий и подлый грех ради моих великих душевных мук» [Бунин: 47].

В романе раскрывается «биография» внутренней жизни человека, его взросления, изменения. Автором отбрасывается занимательная фабула, чтобы полностью сосредоточиться на внутреннем мире героя. И. А. Бунин показывает процесс социализации Арсеньева, его вхождение в действительность. На протяжении детских лет герой стремится преодолеть свое одиночество. Отметим, что мотив одиночества встречается в повествовании неоднократно. Время младенчества, вопреки широко распространенным стереотипам, представляется

И. А. Бунину «несчастливым», «болезненно-чувствительным», «жалким» [Бунин: 9]. Взросление, приобщение к деятельной жизни наполняет существование героя смыслом и чувством радости. В «печальном младенчестве» [Бунин: 9] были только проблески разумной мысли, со временем сознание героя совершенствуется, расцветает воображение, обостряются ощущения, привлекается все больший круг впечатлений. Автор изображает внутреннее путешествие своего героя, путь открытий, изменений и перемен. Арсеньев изучает мир и себя самого, он неустанно вовлечен в процесс познания и поиска.

По мере выхода из периода младенчества жизнь Арсеньева-ребенка наполняется ощущением радости. В бунинской книге тема детства связывается с мотивом счастья, образами солнца, света и золота. В начале книги герой отмечает:

«Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг...» [Бунин: 8].

Метафора «сухой блеск» передает ощущение тепла и уюта, переживаемого ребенком, отчего в его душе возникает чувство счастья. Эта «радостная» цветовая палитра характерна для детского восприятия, потому что «в детской душе остается больше всего яркое, солнечное» [Бунин: 14]. Сквозным в романе является образ золотой ржи:

«...там зной, блеск, роскошь света, там, отливая тусклым серебром, без конца бегут по косогорам волны неоглядного ржаного моря. Они лоснятся, переливаются, сами радуясь своей густоте, буйности, и бегут, бегут по ним тени облаков...» [Бунин: 9, 15].

Мир детства оказывается наполнен беспрерывно льющимся солнечным, золотым светом и блеском: лунный свет «золотом» сияет «на стеклах»; «образа в золотых окладах жарко» пылают «светлым, золотым костром»; «золотисто-рыжий вальдшнеп» вырывается «почти из-под ног у нас»; «солнце скрылось за притихший сад, покинуло пустой зал, пустую гостиную, где оно радостно блистало весь день» [Бунин: 9, 10]. Образ «золотого детства» рождает в душе взрослого повествователя чувство тоски по утраченному «раю». Безмятежное время кажется прекрасным сном («И я закрывал глаза и смутно чувствовал: все это сон, непонятный сон»), сказкой («В ее светлой бездонности,

похожей на какое-то зачарованное небо, спокойно отражались, тонули верхушки <...> леса») [Бунин: 47].

Поэтизация детства сближает роман И. А. Бунина и повесть Л. Н. Толстого «Детство» (1852):

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [Толстой: 43].

Не только философия детства Л. Н. Толстого, но и «возвышающая», «освежающая» сила воспоминаний о нем оказались близки И. А. Бунину. В «Жизни Арсеньева» детство — это время «высшего счастья спать вот так и всю ночь чувствовать сквозь сон этот свет, мир и красоту деревенской ночи, родных окрестных полей, родной усадьбы...» [Бунин: 23].

Для И. А. Бунина творчество Л. Н. Толстого было связано со многими событиями его личной и творческой жизни. Он с детства слышал от отца, Алексея Николаевича, воспоминания о знакомстве с великим русским классиком во время Крымской кампании. В «Жизни Арсеньева» упоминается, что герой перечитывает «Воскресенье». Юность самого И. А. Бунина была отмечена увлечением толстовством, в этом проявлялась влюбленность в личность Л. Н. Толстого, в его удивительный гений. Знаменательно, что роман «Жизнь Арсеньева» композиционно сближается с толстовской повестью, с той лишь разницей, что Л. Н. Толстой начинает свое повествование о детстве не с «истоков дней», а с десятилетнего возраста.

В основе жанра художественной автобиографии лежит идея развития личности. В повести Л. Н. Толстого «Детство» и романе И. А. Бунина изображается процесс становления, взросления ребенка. Роднит героев и остро ощущаемое ими чувство одиночества. Николенька одинок в домашнем кругу, он рано лишился матери, а отец занят собственной жизнью. Внутренне обособленно и одиноко живет и бунинский герой.

Вместе с тем семья и для Иртеньева, и для Алеши Арсеньева — это не только быт, но и духовное родство душ. В обоих произведениях семья представлена как мир тепла и любви. Арсеньев вспоминает о матери как о самой сильной любви

в своей жизни. Николенька, наблюдая разговор отца с Яковом Михайловичем, стремится поцеловать скорее его руку, тем самым проявив свое уважение. Любовь и красота в восприятии толстовского героя — равнозначные понятия:

«Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше <...>. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица» [Толстой: 9].

В произведениях Л. Н. Толстого и И. А. Бунина описан процесс зарождения первой любви.

В формировании мировоззрения Николеньки Иртеньева и Алексея Арсеньева большую роль играет природа. Л. Н. Толстой в повести «Детство» проявил талант непревзойденного живописца, Бунин-пейзажист много перенял у него. Для Л. Н. Толстого важна субъективность в описаниях природы. В повести «Детство» картины природы изображаются так, как их видит Николенька: яркость и насыщенность красок («блестяще-желтое поле», «высокий, синеющий лес»), замкнутость пространства («поле замыкалось <...> лесом»), стремление опоэтизировать природный мир (лес «казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны») [Толстой: 22–23]. Подобные описания встречаются и в «Жизни Арсеньева», с Л. Н. Толстым И. А. Бунин роднит особая изобразительность повествования. Вместе с тем, продолжая традиции классика, И. А. Бунин «нашел слова и образы, не сказанные и не найденные и Толстым» [Степун: 96]. У И. А. Бунина «природа <...> при всей реалистической точности его письма все же совершенно иная, чем у двух величайших наших реалистов — у Толстого и Тургенева», то есть она «зыблеее, музыкальнее, психичнее и, быть может, даже мистичнее природы Толстого и Тургенева» [Степун: 99].

Различна и роль взрослого повествователя в произведениях писателей. И. А. Бунин, строя повествование о детстве, использует новые подходы. Для автора «Жизни Арсеньева» главное — не взаимоотношения с людьми, но чувства и мысли героя, его работающее сознание, данное в процессе активного миромоделирования. Это работающее сознание предстает освобожденным от всего несущественного, вторичного,

например, преходящих обид и непонимания. Кроме того, внутренняя реакция на вопросы и события бытия Арсеньева-ребенка не похожа на свойственную Иртеньеву «диалектику души», сложный внутренний самоанализ. Николенька и у гроба матери не может надолго уйти в себя, неразрешимые противоречия между истинным и мнимым, внутренним и внешним продолжают волновать его и здесь. В «Жизни Арсеньева» «история души» раскрывается преимущественно в лирическом монологе, характер героя воссоздается через передачу его эмоционального состояния. Специфика бунинской книги, ее лиризм, проявляется в том, что при столкновении со смертью герой уходит в себя, ищет спасения в духовном укреплении, обращении к Богу.

Ностальгическое чувство об ушедшем детстве в толстовской повести вызвано тем, что взрослый повествователь лишен детской открытости, устремленности к поэтическим началам жизни, чуткости к красоте мира и природы, искренней любви к близким и Богу. В «Жизни Арсеньева» появляются уже трагические ноты, поскольку автор писал свою книгу, находясь в эмиграции. Он желал воскресить через художественное слово не только ушедший мир «золотого детства», но и потерянную в мировых катаклизмах Россию. Историческое время становится значимым в повествовательной структуре бунинского романа.

Арсеньев обостренно ощущает соотнесенность своей жизни с иррациональными началами бытия, наследственности, родовой истории. Он чувствует бесконечность своего внутреннего «я». Уже в начале романа появляется тема преемственности поколений, ощущение единства героя со своим родом, размышление о благородстве как гарантии непрерывности смены поколений:

«И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие "с отцы и братья наши, други и сродники" <...> ...из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства» [Бунин: 8].

В романе «Жизнь Арсеньева» обозначена позиция автора-творца как находящегося принципиально вне создаваемого им художественного мира. Художественная установка на раскрытие работающего сознания героя не умаляет значение автора, его личности, взглядов, творческих усилий. Он присутствует

на страницах произведения, давая оценки изображаемым событиям и поведению Арсеньева-ребенка. Осмысляя конкретные реалии жизненного пути с некой абсолютной высоты, автор придает жизни отдельного человека философское измерение. В результате роман обретает необходимую писателю глубину постижения жизни. Знание будущего, которым обладает взрослый повествователь, определяет возможность противопоставления гармонии уютного детского мира, семейной жизни хаотическим, разрушительным началам. Изображение счастливого и безмятежного детства ребенка в доме-усадьбе, когда дом олицетворяет самые дорогие понятия — семью, родителей, родину, — «нарушается» предоущением грядущей исторической катастрофы. Прекрасный мир детства обречен погибнуть, и связано это не только с взрослением, как у Л. Н. Толстого, а с внешними событиями — войной и революцией.

Авторское «присутствие» определяет для романа иное ценностное измерение, нежели это было в повести о детстве XIX в. «Жизнь Арсеньева» становится романом-размышлением об ушедшей России дореволюционного времени, с которой связано детство автора. Лейтмотивом романа становится тема утрат. Воспоминания героя о детстве необходимы для того, чтобы воскресить те ощущения, которыми писатель жил в России. У Арсеньева-повествователя очень сильны мотивы тоски по родине, грусти, появление которых обусловлено эмиграцией. Отсюда сквозной образ луны, «грустной и исполненной такой неземной прелести от своей грусти и своего одиночества» [Бунин: 14]. Перед нами совершенно новая (по сравнению с предшествующей прозой о детстве) авторская позиция, обозначенная как ситуация «утраченного рая»: «Это взгляд из пустоты, из темноты в мир света и смысловой наполненности, в котором они ранее существовали, а потом "выпали" из него для того, чтобы оказаться в нынешней своей позиции внаходимости, из которой ими раскрывается эта яркая "картина мира"» [Дулова, Николаев: 131]. С этой позиции представлен образ матери, достигающий высокой сакрализации:

«В далекой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет во веки благословенно ее бесценное имя» [Бунин: 14].

Автор размышляет о непонятной «национальной гордости» Баскакова, и эти размышления сопрягаются с раздумьями о специфике национальной ментальности и исторического пути России:

«И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебнo-краткий срок?» [Бунин: 37].

Категория Вечности в романе создается с помощью упоминаний взрослым повествователем Ветхого и Нового Заветов, цитирования Библии и использования аллюзий на библейские сюжеты, образы и мотивы.

Итак, в романе «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунин описывает детство Алексея Арсеньева. Основной задачей автора стало изображение процесса миромоделирования, когда доминирующим импульсом является то, что исходит из сознания самого субъекта создания мира. Писатель показал, как ребенок структурирует (моделирует) свой мир. Бунинский герой поглощен ходом, движением собственного сознания, занят интенсивным миромоделированием радостного, безмятежного детства, полного счастья, тишины, сказочности, солнца, света, блеска. Созданная Арсеньевым-ребенком художественная модель (картина) мира полна поэзии, лиризма, различных «подробностей жизни». Он создает мир, является участником событий и одновременно открывает мир, демонстрируя силу воображения, острую восприимчивость, впечатлительность, эмоциональность, созерцательность, умение находить в обычных предметах таинственное и загадочное, «свежесть» и непосредственность взгляда на окружающие предметы. Миромоделирующими компонентами детства Арсеньева становятся ограниченность пространства (дом-усадьба), близкого окружения (семья). Мир бунинского героя строится в границах сложной хронотопической структуры (замкнутость и линейность, открытость пространства; время, связанное с процессом взросления и изменения личности героя; одновременное сосуществование времени прошлой жизни героя и настоящего времени зрелого повествователя; присутствие в тексте времени Вечности). Миромоделирующими константами детства героя являются

устремление к одиночеству, уединению, красота природы, чтение, размышление о близких людях. Страсть к дороге, путешествиям, открытиям, устремленность к познанию высших истин бытия и постижению духовной реальности определяет жизненную траекторию Арсеньева. Особое значение в тексте обретают мотивы бесконечности, образы просторов и далей. Миромоделирующими универсалиями детства героя становятся родовая память, семейная преемственность, обращенность к Богу. Образ звезды предстает символом вечности. Модель детства полна ностальгического звучания, пронизана чувством тоски об утраченном детстве, доме, природе, России.

В романе «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунин проявил себя как наследник и продолжатель традиций русской классической литературы о детстве: это поэтизация детства, воссоздание богатства и сложности детской души, изображение процесса развития, взросления героя. Обязательным в бунинском романе, как и в повести Л. Н. Толстого, становится ностальгическое звучание, изображение красоты и гармоничности природы, образ России. Вместе с тем И. А. Бунин стремится к обновлению традиции. В романе появляются трагические ноты, автор стремится увековечить образ ушедшей России, погибшей в результате исторической катастрофы. Новаторство автора проявилось в стилевом своеобразии (проза, построенная как поэтический текст; отличающаяся особым лиризмом и «музыкальностью» повествовательная структура), особой, отличной от толстовской повести, позиции героя-ребенка и его соотнесенности с образом автора.

Список литературы

1. Болдырева Е. М. Автобиографическая орнаментальность: принципы лейтмотивной организации романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 130–137 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24843050_75136239.pdf (21.10.2025). EDN: UXQQTF
2. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5: Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933). Божье древо. Рассказы (1927–1931). 480 с.
3. Гаршина Е. А. Память как ведущая аксиологема романа-воспоминания «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 72–76 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20391318_76087930.pdf (21.10.2025). EDN: REFUSP

4. Дулова С. А., Николаев Н. И. Проза Гайто Газданова в контексте меняющейся художественной картины мира // *Litera*. 2019. № 4. С. 128–134 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41284987_29886300.pdf (21.10.2025). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.4.30501. EDN: XSHTZK
5. Захарова В. Т. Проза Ивана Бунина: аспекты поэтики. Нижний Новгород: НГПУ, 2013. 111 с.
6. Каганова Е. А. Сложные случаи научного комментария к роману «Жизнь Арсеньева» и записным книжкам И. А. Бунина // *Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)* / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. Вып. 1. С. 760–765 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_bunina_v_istoriko-literaturnom_kontekste_2019__izd.pdf?ysclid=mkgveszcz798173345 (21.10.2025). (Сер.: Академический Бунин; вып. 1.)
7. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.
8. Левина Н. Н. Специфика художественного миромоделирования в поэзии Н. Циликина // *Вестник угроведения*. 2022. Т. 12. № 3. С. 453–462 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49798294_34029519.pdf (21.10.2025). DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462. EDN: WYYNFN
9. Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/maltsev_bunin_1994__ocr.pdf (21.10.2025).
10. Мартиросян К. Г. Синтетизм в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2015. № 6. С. 179–188 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27125423_40644662.pdf (21.10.2025). EDN: WVPFQZ
11. Михайлов О. Н. Иван Алексеевич Бунин: очерк творчества. М.: Наука, 1967. 174 с.
12. Ничипоров И. Б. Поэзия темна, в словах не выразима...: творчество И. А. Бунина и модернизм. М.: Метафора, 2003. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/ehRwjNg6MlPup?ysclid=mkgu9wmc8m916603991> (21.10.2025).
13. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 337 с. (Сер.: Академический Бунин.) EDN: YNTQLP
14. Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016. 206 с.
15. Степун Ф. А. Встречи: Достоевский, Л. Толстой, Бунин и [др.]. Мюнхен: Т-во зарубежных писателей, 1962. 202 с.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 1: Детство. Юношеские опыты / вступ. ст. В. Г. Черткова; ред. А. Е. Грузинский, М. А. Цявловский. 356 с.
17. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.

References

1. Boldyreva E. M. Autobiographic Ornamentation: Leitmotif Organization Principles in I. A. Bunin's Novel "The Life of Arseniev". In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin], 2015, no. 2, pp. 130–137. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24843050_75136239.pdf (accessed on October 21, 2025). EDN: UXQQTf (In Russ.)
2. Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, vol. 5: The Life of Arseniev. Novel (1927–1929; 1933). God's Tree. Stories (1927–1931). 480 p. (In Russ.)
3. Garshina E. A. Memory as the Main Axiologic Unit in the Novel "The Life of Arseniev" by I. A. Bunin. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2013, no. 4 (41), pp. 72–76. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20391318_76087930.pdf (accessed on October 21, 2025). EDN: REFUSP (In Russ.)
4. Dulova S. A., Nikolaev N. I. Gaito Gazdanov's Prose in Terms of Changing Worldview in Literature. In: *Litera*, 2019, no. 4, pp. 128–134. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41284987_29886300.pdf (accessed on October 21, 2025). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.4.30501. EDN: XSHTZK (In Russ.)
5. Zakharova V. T. *Proza Ivana Bunina: aspekty poetiki* [Prose of Ivan Bunin: Aspects of Poetics]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2013. 111 p. (In Russ.)
6. Kaganova E. A. Complex Cases of Scientific Commentary on the Novel "The Life of Arseniev" and the Notebooks of I. A. Bunin. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [The Works of I. A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Criticism)]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, issue 1, pp. 760–765. Available at: https://imwerden.de/pdf/tvorchestvo_bunina_v_istoriko-literaturnom_kontekste_2019__izd.pdf?ysclid=mkgs-veszcz798173345 (accessed on October 21, 2025). (Ser.: Academic Bunin; issue 1.) (In Russ.)
7. Kolobaeva L. A. *Russkiiy simbolizm* [Russian Symbolism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 296 p. (In Russ.)
8. Levina N. N. Specifics of Artistic World Modeling in N. Tsilikin's Poetry. In: *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, vol. 12, no. 3, pp. 453–462. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49798294_34029519.pdf (accessed on October 21, 2025). DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462. EDN: WYYNFN (In Russ.)
9. Mal'tsev Yu. V. *Ivan Bunin, 1870–1953*. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/maltsev_bunin_1994__ocr.pdf (accessed on October 21, 2025). (In Russ.)
10. Martirosyan K. G. Synthetism in I. A. Bunin's Novel "The Life of Arseniev". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2015, no. 6, pp. 179–188. Available

- at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27125423_40644662.pdf (accessed on October 21, 2025). EDN: WVPFQZ (In Russ.)
11. Mikhaylov O. N. *Ivan Alekseevich Bunin: ocherk tvorchestva* [*Ivan Alekseevich Bunin: Essay of Works*]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 174 p. (In Russ.)
 12. Nichiporov I. B. *Poeziya temna, v slovakh ne vyrazima...: tvorchestvo I. A. Bunina i modernism* [*Poetry Is a Theme that Can not Be Expressed in Words...: the Works of I. A. Bunin and Modernism*]. Moscow, Metafora Publ., 2003. 256 p. Available at: <https://djvu.online/file/ehRwjNg6MlPup?ysclid=mkgu9wmc8m916603991> (accessed on October 21, 2025). (In Russ.)
 13. Ponomarev E. R. *Preodolevshiy modernizm: tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda* [*Overcoming Modernism: the Works of I. A. Bunin During the Emigrant Period*]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 337 p. (Ser.: Academic Bunin.) EDN: YNTQLP (In Russ.)
 14. Prashcheruk N. V. *Proza I. A. Bunina v dialogakh s russkoy klassikoy* [*I. A. Bunin's Prose in Dialogues with Russian Classics*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2016. 206 p. (In Russ.)
 15. Stepun F. A. *Vstrechi: Dostoevskiy, L. Tolstoy, Bunin i dr.* [*Meetings: Dostoevsky, L. Tolstoy, Bunin, and Others*]. Munich, Tovarishestvo zarubezhnykh pisateley Publ., 1962. 202 p. (In Russ.)
 16. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [*The Complete Works: in 90 Vols*]. Moscow, Terra Publ., 1992, vol. 1: Childhood. Youthful Experiments. 356 p. (In Russ.)
 17. Shklovskiy V. B. *Gamburgskiy schyot: stat'i — vospominaniya — esse (1914–1933)* [*The Hamburg Account: Articles — Memories — Essays (1914–1933)*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 544 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (наб. Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация, 163002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru.

Elena Yu. Shestakova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Northern (Arctic) Federal University Named After M. V. Lomonosov (nab. Northern Dvina 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>; e-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 28.10.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.12.2025

Принята к публикации / Accepted 26.12.2025

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026